

— Ну, спасибо, что заботился обо мне всё это время, А Мин.

Чу Мин уходил, оглядываясь через каждые несколько шагов. Цяо Кэ смотрел на это с усмешкой, не обращая внимания на его мысли. Этот парень всегда любил дурачиться.

Войдя в свою комнату, он положил багаж и взглянул на старый чемодан, лежащий в углу. Затем направился в ванную, умылся и спустился на кухню.

В холодильнике было много продуктов, которые он любил. Вероятно, Ли Жун знал, что он вернётся через несколько дней, и специально подготовил всё. К сожалению, Цяо Кэ не умел готовить, поэтому взял только яйца и макароны.

Он был голоден и не мог ждать возвращения Ли Жун. По крайней мере, сварить макароны он мог.

Когда вода закипела, он забросил макароны и варил несколько минут, пока они не приготовились.

Затем он промыл их холодной водой, чтобы они стали более упругими. Цяо Кэ старательно вспоминал следующие шаги, когда вдруг услышал звук у двери. Он обернулся и увидел, что Ли Жун вернулся.

— ...Что ты делаешь? — Ли Жун, войдя, увидел, как подросток держит в руках ком макарон, а на плите кипит кастрюля, и с видом отчаяния собирается бросить их в воду.

— Готовлю макароны. Только забыл, масло добавлять или воду. Кажется, макароны не должны быть в супе?

Ли Жун промолчал.

Цяо Кэ был выгнан с кухни. По словам Ли Жун, ему больше никогда не разрешалось ступать на кухню, чтобы не спалить дом.

Через несколько минут перед ним поставили тарелку макарон с томатами и креветками. Цяо Кэ загорелся, схватил её и начал жадно есть, приговаривая:

— Вкусно.

— Почему не дождался меня? Дай руку посмотрю, не обожётся?

Ли Жун взял его руку и внимательно осмотрел, затем переключился на другую. Убедившись, что всё в порядке, он с облегчением выдохнул, но не отпустил руку, а продолжил держать её в своей, играя пальцами.

Цяо Кэ ел одной рукой, чувствуя себя неловко. Ли Жун поднял его руку и приложил губы к тыльной стороне ладони.

Цяо Кэ понял, что Ли Жун хотел немного ласки.

После их ссоры и примирения они вернулись к прежним отношениям, но Ли Жун стал более откровенным в своих ухаживаниях.

Раньше простого «спокойной ночи» было достаточно, но теперь ему нужны были различные ухищрения, чтобы удовлетворить свои желания. Например: «Погода такая холодная, я хочу

обнять тебя, согреть твоё тело, зажечь пламя в твоём сердце, поцеловать твой лоб и шепнуть тебе на ухо "спокойной ночи", чтобы ты погрузился в сны вместе со мной».

Это было и романтично, и... немного пошло.

Потому что Ли Жун недавно узнал новое слово — «секс по переписке».

А Цяо Кэ понял, что такое «заезженные фразы».

Цяо Кэ отложил макароны. Он ещё не наелся, поэтому быстро схватил запястье Ли Жуна, притянул его к себе и поцеловал.

Во рту Цяо Кэ всё ещё ощущался вкус еды, и Ли Жун слегка поморщился, но вскоре погрузился в поцелуй. В отличие от их предыдущего страстного поцелуя, этот, под руководством Цяо Кэ, был нежным и сладким, и хотелось, чтобы он никогда не заканчивался.

Игривый язык скользил у входа, вызывая у Ли Жуна лёгкое покалывание. Он открыл рот, приглашая его войти. Шаловливый язык проник внутрь, играя с его языком, а затем, когда Ли Жун хотел его поймать, ускользал, как в игре в прятки. Он облизал его зубы, провёл по нёбу, а затем, подражая этому движению, глубоко проник в горло.

Когда Цяо Кэ наконец устал играть, он милостиво переплел их языки, и Ли Жун был полностью поглощён поцелуем, не в силах сопротивляться.

Когда они разошлись, оба дышали неровно, и тонкая нить слюны связывала их. Ли Жун смотрел, как подросток красивым жестом вытер уголок рта, подцепил нить и втянул её обратно в рот, а затем улыбнулся, как довольный котёнок.

— Можно я продолжу есть макароны? — с невинным и наивным выражением лица, словно всё, что только что произошло, было лишь в воображении Ли Жуна.

— Я так голоден.

Цяо Кэ быстро оставил Ли Жуна, вернувшись к своей еде. Мужчина беспокойно ерзал, его рука, лежащая на бедре, казалось, пыталась скрыть что-то или совершала какие-то движения.

В конце концов Ли Жун схватил Цяо Кэ и сильно укусил его за губу, а затем встал и направился в ванную.

— Идёт снег.

Цяо Кэ сидел на балконе второго этажа. В городе S редко шел снег, обычно только в новогодние дни выпадало немного снежной крупы, но в этом году снег был сильным, падая большими хлопьями. Он поймал снежинку на ладонь, она была холодной и прозрачной.

— Цяо Бэй, иди внутрь! — крикнул Ли Жун из комнаты, с суровым выражением лица.

Как только Цяо Кэ вошёл, на его голову накинули полотенце. Ли Жун приложил немного силы, и Цяо Кэ закричал от боли.

— Сам виноват, не успеваю глаз моргнуть, а ты уже на улице играешь в снежки. Если ещё раз так сделаешь, веришь, что я тебя отшлепаю?

Он сказал это, но его рука уже потянулась к заднице Цяо Кэ.

Цяо Кэ увернулся, сорвал полотенце и швырнул его в лицо Ли Жуну.

— Ты же сказал, что в следующий раз. Не держишь слово — значит, сердце и рот сгниют.

Ли Жун попытался поймать его, но Цяо Кэ не давался, и они начали дурачиться, как дети.

Был канун Нового года, и Цяо Кэ думал, что проведёт его в одиночестве. Но Ли Жун, вместо того чтобы уехать, взял его с собой за покупками.

Цяо Кэ не хотел спрашивать, но Ли Жун сам ему всё объяснил.

— Мои родители за границей, они привыкли праздновать Рождество. На Рождество я улетаю к ним. — Ли Жун ущипнул Цяо Кэ за нос. Ему не нравилось, когда тот молчал и держал всё в себе. — Что касается других родственников... Они будут рады, если я не появлюсь.

Выражение Ли Жуна стало холоднее. Их отношения с семьёй Ли были натянутыми. Его отец пошёл против воли семьи, женившись на матери, и почти порвал с ними. Сам Ли Жун был ещё более непокорным, открыто заявив в семье, что не женится, а если и женится, то только на мужчине.

— Вечером поедём на вершину горы посмотреть на снег, — Ли Жун указал в сторону, где виднелся горный хребет с остроконечной крышей. — Там есть смотровая площадка, верхний этаж полностью из стекла, оттуда видно реку и весь город.

Цяо Кэ удивился. Он жил в городе S больше десяти лет, но никогда не слышал об этом месте.

— Ну, конечно, это частная территория, она не открыта для публики. Я сам спроектировал её, когда мне было двадцать, от выбора места до материалов — всё делал сам. Я даже помогал класть кирпичи.

Ли Жун улыбался с гордостью, и в его обычно сдержанном характере появилась доля дерзости. Цяо Кэ вспомнил, что в этом году Ли Жуну исполнилось тридцать, что на три-четыре года больше, чем ему.

Вечером Ли Жун снова достал свой патефон, но на этот раз они не танцевали, потому что, едва обнявшись, они начали целоваться. В последнее время Цяо Кэ подрос. Раньше он был худым и едва доставал до плеча Ли Жуна. Тогда их «танец» был больше похож на то, как Ли Жун держал его на руках.

Теперь он стоял перед Ли Жуном, и его рост уже достигал виска мужчины. Ему нужно было лишь слегка приподнять голову, чтобы их губы соприкоснулись.

Цяо Кэ знал, что через полгода он станет выше Ли Жуна...

Пока он предавался этим мыслям, он услышал, как Ли Жун прошептал ему на ухо:

— Я уже говорил тебе?

— Что?

— Я люблю тебя.

Цяо Кэ на мгновение замер, а затем улыбнулся.

— Меня или моё лицо?

— И то, и другое.

Ли Жун улыбнулся, его взгляд был полон нежности, и Цяо Кэ не смог выдержать его взгляда.

Ли Жун повёз Цяо Кэ на вершину горы. Хотя Цяо Кэ и раньше жил в достатке, он не мог не восхищаться:

— Бедность ограничивает моё воображение.

Частный парк на вершине горы. Если бы не Новый год, Цяо Кэ мог бы увидеть патрулирующих охранников, садовников, подстригающих кусты, и молодых красивых официантов. На склоне горы было поле для мини-гольфа, а на краю обрыва стояли виллы с подвесными бассейнами, выходящими на реку. Это место Ли Жун использовал для приёма важных гостей.

Оно не было открыто для публики, но иногда давалось друзьям в качестве одолжения.

Возможно, для Ли Жуна привести Цяо Кэ сюда означало признать его своим человеком.

Но насколько весомым было это признание, Цяо Кэ пока не знал.

<http://bllate.org/book/16742/1540026>